

Русская политика герцога Карла Шведскаго ¹⁾).

Изъ англійскихъ архивовъ.

„Нужно быть очевидцемъ ребяческаго поведенія двора, чтобы составить себѣ представленіе о жалкихъ задачахъ, выдвигаемыхъ шведской ипостранной политикой. Швеція стремительно идетъ къ своей гибели и пытается напортить тѣмъ державамъ, которыя могли бы ей еще оказать поддержку“.

Эти слова взяты изъ донесенія англійскому правительству отъ 4 декабря 1795 г. и принадлежать повѣренному въ дѣлахъ въ Стокгольмѣ, Шарлю Арбутноту. Молодой, дѣльный и честный дипломатъ, впервые назначенный на отвѣтственный постъ, былъ отлично освѣдомленъ во внѣшней политикѣ Швеціи и ея внутреннемъ положеніи, и его депеши своему правительству очень содержательны. Въ частности же онъ сообщалъ своему правительству много важнаго, благодаря близкому знакомству съ русскими дѣлами при стокгольмскомъ дворѣ. Это было время регентства Карла, который номинально управлялъ Швеціей за несовершеннолѣтіемъ короля Густава Адольфа, фактически же всѣмъ распоряжался любимецъ герцога Рейтергольмъ. Въ концѣ регентства ясно обнаружился кризисъ иностранной политики, вызванный легкомысліемъ Рейтергольма и слабостью герцога. Въ послѣднихъ числахъ августа 1795 г. Арбутнотъ увѣдомилъ государственнаго секретаря графа Барка, что 28 августа между Англійей, Россіей и Австріей заключенъ оборонительный союзъ, направленный противъ Франціи.

¹⁾ Взято изъ книги L. Wahlström, Gustavianska Studier, Stockholm Nordstedt u. Söhner Verlag. 1914.

Въ интересахъ союзныхъ державъ было привлечь на свою сторону нейтральныя страны, въ частности Швецію и Данію. Въ задачу Арбутнота поэтому входило стремиться къ ослабленію французскаго вліянія въ Швецію и усиленію русскаго.

Въ началѣ декабря 1795 г. вновь назначенный русскій посланникъ, баронъ Будбергъ, прибылъ въ Стокгольмъ, откуда его предшественникъ Румянцевъ уѣхалъ еще въ августъ 1794 г. Будбергу въ виду желательности сближенія Россіи съ Англіей было предписано завязать дружескія отношенія съ Арбутнотомъ, и уже на первыхъ порахъ онъ былъ очень откровененъ съ англійскимъ дипломатомъ, и даже показывалъ ему свою корреспонденцію. Впрочемъ, общество Будберга врядъ ли было пріятно Арбутноту. Русскій посланникъ уже однажды пріѣзжалъ въ Стокгольмъ съ порученіемъ и сумѣлъ возбудить такую ненависть, что въ его теперешнемъ назначеніи, писалъ Арбутнотъ, усмотрѣли желаніе довести до бѣшенства шведское правительство. Будбергъ въ короткое время возстановилъ противъ себя и дворъ, и дипломатическіе круги.

Отношеніе къ Будбергу ярко выразилось въ презрительномъ пріемѣ, оказанномъ ему въ первомъ же официальномъ представленіи. Русскаго посланника герцогъ-регентъ встрѣтилъ съ хлыстомъ въ рукѣ. „Какъ бы предупреждая Будберга, что при малѣйшемъ знакѣ непочтительности, онъ сдѣлаетъ ему практическое внушеніе“.

Но этой довольно наивной демонстраціей шведскаго правительства только внѣшне проявилось безцеремонное отношеніе къ Россіи. На самомъ же дѣлѣ, позволяя себѣ публично оскорблять русскаго посланника, втайнѣ уступали его угрозамъ. Будбергъ самъ говорилъ Арбутноту, что ему было поручено выразить неудовольствіе русской императрицы шведскою политикою, въ частности переговорами о союзѣ съ Франціей и противорѣчащей планамъ Екатерины помолвки юнаго короля Густава Адольфа съ Мекленбургскою принцессой. Будбергъ показывалъ Арбутноту телеграмму русскаго министра иностранныхъ дѣлъ Остермана, въ которой рѣзко выражался гнѣвъ императрицы на Швецію— „она выставляетъ себя на великій скандалъ всей Европы, принимая отъ этихъ царсубійцъ деньги на вооруженія. Если бы не приближалось совершеннолѣтіе короля, она была бы готова пойти на открытый разрывъ съ Швеціей“.

Но вызывающее поведеніе Будберга внушило шведскому правительству такой явный страхъ передъ гнѣвомъ императрицы, что уже въ серединѣ февраля оно было серьезно озабочено, какъ

бы разстроить помолвку, переговоры о которой начались въ августѣ, а 1 ноября закончились официальнымъ объявленіемъ. И вотъ на 11 февраля было созвано совѣщаніе по этому поводу и рѣшено было, если не разстроить обрученія, то во всякомъ случаѣ отложить свадьбу. Неофициальнымъ мотивомъ послужило нежеланіе этого брака юнымъ королемъ. Герцогиня Шарлотта, супруга регента, видѣла портретъ Мекленбургской принцессы и отзывалась о ней, какъ о чрезвычайно некрасивой особѣ, похожей на „нарядившуюся горничную“. Лица же, видѣвшія принцессу, прямо говорили, что у нея былъ горбъ на спинѣ.

Насколько императрицѣ хотѣлось снова вернуть свое утраченное вліяніе въ Швеціи, видно изъ того факта, что она въ февралѣ этого же года отправила генерала Будберга, кузена посланника, съ неспфициальнымъ, но отвѣтственнымъ порученіемъ въ Стокгольмъ. Онъ долженъ былъ разузнать о господствовавшемъ настроеніи умовъ въ Швеціи и добиться перемѣны политики въ желательномъ императрицѣ направленіи.

Арбутнотъ находитъ, что у генерала Будберга былъ умѣренный и сдержанный характеръ, но съ англійскимъ посланникомъ онъ былъ изумительно откровененъ, настолько, что оставлялъ его цѣлый часъ одного съ депешами къ русскому правительству. Будбергъ говорилъ Арбутноту, что Швеціи слѣдовало бы довести себя до такого положенія, чтобы не возбуждать ни въ комъ никакихъ опасеній. Для этого ей слѣдовало бы уменьшить свои границы до прежнихъ размѣровъ, т.-е. Россія должна взять Финляндію, а Данія Готеборгъ, предполагая, что датчане предпочтутъ союзъ съ Россіей и Англійей въ выборѣ комбинаціи съ другими державами.

Но въ планы могущественнаго Рейтергольма, противника сближенія съ Россіей, фактически устроившаго помолвку короля съ принцессой Мекленбургской, совершенно не входило назначеніе генералу Будбергу официальной аудіенціи при дворѣ. Последнему пришлось поэтому прибѣгнуть къ услугамъ негласныхъ посредниковъ. Онъ нашелъ ихъ въ небольшомъ кругу французскихъ эмигрантовъ, жившихъ тогда въ Стокгольмѣ, какъ и при всѣхъ европейскихъ дворахъ. Въ частности графиня де-С.-Пріестъ, жена бывшаго министра Людовика XVI, могла быть ему полезна, хотя она жила въ Стокгольмѣ, но получила субсидіи отъ Россіи и охотно предложила генералу свои услуги. Затѣмъ французскій артиллерійскій офицеръ, преподававшій королю военныя науки, Сюрманъ, также негласно помогаль Будбергу, но

самымъ важнымъ его посредникомъ сдѣлался швейцарскій авантюристъ Фердинандъ Христианъ.

Сынъ банкира изъ Ивердена въ Нефшатель, агентъ Колонна, генеральнаго финансоваго контролера при Людовикѣ XVI, онъ пользовался деньгами отца, помогая Колонну въ его комбинаціяхъ. Послѣдовательно секретарь эмигрантскаго совѣта въ Кобленцѣ, агентъ французскихъ принцевъ въ Вѣнѣ, гдѣ онъ считывалъ на мѣсто „chargé d'affaires“ или даже посланника, но обманутый въ своихъ надеждахъ Колонной, ѣдетъ въ Лондонъ въ качествѣ агента французскихъ принцевъ, и, наконецъ, осенью 1795 г. попадаетъ въ Стокгольмъ по дорогѣ въ Петербургъ.

Здѣсь онъ возбудилъ всеобщее любопытство, а послѣ его хвастливыхъ увѣреній, что Людовикъ XVI посылалъ его для переговоровъ со своими братьями, самъ герцогъ Карлъ имъ заинтересовался и далъ ему аудіенцію. Авантюристъ очаровалъ своимъ разговоромъ даже умную герцогиню Шарлотту, и только юному королю онъ показался подозрительнымъ тѣмъ, что, выдавая себя за швейцарскаго майора, носилъ на придворномъ балу старыя шведскія эполеты и шведскую шпагу. Но не всѣ были такъ проницательны, и въ салонѣ графини де-Пріестъ, центрѣ эмигрантскихъ и дипломатическихъ круговъ, Христианъ скоро сдѣлался желаннымъ гостемъ. Здѣсь же онъ познакомился съ Сюрмэномъ и Арбутнотомъ и сблизился съ ними. Онъ надѣялся устроить выгодную женитьбу въ Петербургѣ, и желая поднять свои акціи оказываніемъ услугъ русскому правительству, онъ скоро близко познакомился съ положеніемъ русскихъ дѣлъ въ Стокгольмѣ. Генераль Будбергъ, который не пользовался репутаціей дипломата, часто прибѣгалъ къ ловкому перу Христиана и поручалъ ему составлять депеши своему правительству, а швейцарецъ иногда уносилъ ихъ къ себѣ и шифровалъ.

Не добившись аудіенціи при дворѣ, генераль былъ радъ найти помощника въ лицѣ Христиана, передъ которымъ всѣ двери были открыты. Когда же герцогъ при встрѣчѣ съ Христианомъ самъ заговорилъ о Россіи, швейцарецъ попросилъ у Будберга разрѣшенія „раскрыть герцогу глаза на истинные интересы Швеціи“ и предупредить его, что „недоразумѣнія между Россіей и Швеціей могутъ перейти въ войну, если Швеція не поспѣшитъ переговорами помѣшать этому“.

Будбергъ наивно выразился: „Я полагалъ, что тѣмъ охотнѣе долженъ согласиться на предложеніе въ виду его увѣренія, что

онъ заботится только о всеобщемъ благѣ, и я могу его „désavouer“, если его слова будутъ плохо приняты или не совпадутъ съ тайными намѣреніями императрицы“.

Благодаря Сюрмэну, преподавателю короля, Христинъ присутствовалъ 23 февраля при „lever“ герцога и когда герцогъ „дружести заговорилъ съ нимъ о Россіи и спросилъ, знаетъ ли онъ, что императрица вооружается, Христинъ попросилъ и получилъ аудіенцію, которая была назначена на слѣдующій же день.

Въ указанное время Христинъ засталъ герцога одного, и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ.

Христинъ заявилъ, что ему извѣстна точка зрѣнія Швеціи— воевать съ Россіей, но такъ какъ теперь еще можно найти выходъ для избѣжанія войны, то онъ считаетъ своимъ долгомъ сообщить объ этомъ герцогу.

Герцогъ возразилъ, что онъ всегда поступалъ какъ „лояльный рыцарь“ и по отношенію къ императрицѣ, и если она нападетъ, то всѣ партіи въ Швеціи сплотятся вокругъ него, чтобы защищаться до послѣдней капли крови.

Послѣ довольно дерзкаго возраженія Христина, что напротивъ правительство имѣетъ массу враговъ, которые сейчасъ же воспользуются этимъ случаемъ для открытаго выступленія, а императрица, объявляя о войнѣ, разошлетъ манифестъ, который раскроетъ народу глаза на истинныхъ защитниковъ войны, она же рѣшилась на это съ болью въ сердцѣ, вынужденная невозможностью терпѣть дольше у своихъ границъ гибельную систему, которую она напрасно старалась всѣми способами разрушить. Герцогъ снисзошелъ до отвѣта; онъ не сдѣлалъ ничего ни для нарушенія добрыхъ отношеній, ни для сближенія, и прибавилъ: „Я слишкомъ хорошо знаю высококомѣріе русскихъ министровъ, достаточно мнѣ будетъ сдѣлать малѣйшій шагъ, какъ мнѣ начнутъ говорить дерзости и вообразятъ, что я испугался вашихъ угрозъ“.

Христинъ увѣрялъ герцога, что императрица будетъ очень расположена вступить въ переговоры, но пусть совѣтники герцога не воображаютъ, что можно ихъ начать только съ цѣлью выиграть время. Императрица питаетъ чисто материнскую нѣжность къ королю и она не хочетъ, чтобы взрывъ ненависти между двумя народами обрушился на юнаго короля, который не повиненъ въ его возникновеніи. Она надѣется, что благодаря же-

стокой войнѣ, которая случится раньше, чѣмъ король возьметъ бразды правленія въ свои руки, можно будетъ избавить Швецію отъ политической зависимости, къ которой привела страну теперешняя система*.

Герцогъ, на котораго, повидимому, произвели сильное впечатлѣніе слова Христина, спросилъ его, какъ можно сблизиться съ императрицей, когда она навѣрно потребуетъ нарушенія помолвки короля и союза съ Франціей, а герцогъ не можетъ иначе, какъ опозоривъ себя, порвать дѣло, зашедшее такъ далеко.

На совѣтъ Христина сослаться на желаніе короля и выгородить себя, герцогъ спросилъ, неужели его считаютъ человѣкомъ, который каждую минуту мѣняетъ мнѣніе, но Христинъ все же посовѣтовалъ согласиться на союзъ, который иначе его можетъ заставить подписать императрица на условіяхъ, которыя она ему будетъ диктовать, опираясь на свои войска.

Онъ распространялся также о русской арміи, о ея выгодномъ внѣшнемъ положеніи, между тѣмъ какъ Швеція можетъ противопоставить только плохо дисциплинированную армію безъ генераловъ, негодную артиллерію, запутанные финансы, партіи, всеобщее неудовольствіе, союзъ съ народомъ безъ правительства и т. д. Въ заключеніе онъ умолялъ герцога остерегаться всего, что даетъ ему ложное представленіе объ истинномъ положеніи дѣлъ. Герцогъ спросилъ его, подъ честнымъ словомъ, говорилъ ли онъ обо всемъ этомъ съ другими. На отвѣтъ Христина, что только съ Сюрмэномъ, герцогъ взялъ его за обѣ руки и довѣрчивымъ тономъ спросилъ: „дѣйствительно ли вы честный человѣкъ, господинъ Христинъ, и могу ли я открыться вамъ“? На утвердительный отвѣтъ онъ сказалъ, что не знаетъ, желаетъ ли онъ войны, но во всякомъ случаѣ предпочитаетъ пасть съ оружіемъ въ рукахъ, чѣмъ опозорить себя.

— Укажите мнѣ выходъ, которымъ можно защитить честь, и я готовъ пойти на все, что вы мнѣ предложите.

Христинъ рекомендовалъ ему обратиться къ генералу Будбергу, какъ подходящему посреднику; но герцогъ сказалъ, что это невозможно, въ настоящее время ему приходится „щадить слишкомъ много людей“, въ Швеціи не могутъ забыть объ оскорбленіи, нанесенномъ шведскому посланнику въ Петербургѣ; пусть Христинъ спроситъ опредѣленіе русскаго генерала, чего желаетъ теперь императрица, но не проговорится, что вопросъ исходить отъ герцога.

Больше всего озабочиваетъ его, если императрица потребуеъ нарушенія помолвки. Затѣмъ онъ привелъ мало правдоподобную исторію, что однажды начатыя переговоры о помолвкѣ юнаго короля съ русской великой княжной разстроились изъ-за желанія императрицы, чтобы великая княгиня имѣла православную часовню и священника своей религіи, что противорѣчитъ основнымъ положеніямъ шведскаго королевства, и закончилъ, что нарушилъ бы союзъ съ Франціей, если бы нашелъ выгоду въ другой комбинаціи, и сдѣлалъ бы все зависящее, чтобы возстановить прежнія хорошія отношенія между Россіей и Швеціей.

Во время слѣдующаго разговора, 26 февраля, Христинъ, успѣвшій повидать генерала Будберга, передалъ герцогу, что императрицѣ чрезвычайно не нравится шведско-французскій союзъ, а также нарушение Дротнинггольмскаго трактата. Лучшее же средство прекратить всѣ недоразумѣнія — это королю и герцогу поѣхать въ Петербургъ. Герцогъ возразилъ, что это невозможно, оба не могутъ покинуть страны. Императрица же должна усмотрѣть доказательство искренняго желанія сближенія между Россіей и Швеціей въ фактъ отозванія шведскаго посланника Сталя изъ Франціи. Герцогъ обѣщалъ Христину передать обо всемъ королю, но счелъ нужнымъ предупредить его, что король не очень расположенъ къ Россіи, и думаетъ, что императрица насъ не любитъ*.

Христинъ горячо протестовалъ, эти мысли королю внушаетъ Рейтергольмъ, и просилъ дать ему аудіенцію у Рейтергольма, чтобы онъ могъ доказать ошибочность этого предубѣжденія. Герцогъ разрѣшилъ, но предупредилъ, что Рейтергольмъ можетъ „наболтать глупостей. Я поддерживаю этого человѣка, онъ мнѣ необходимъ, но вообще онъ страшно горячая голова, экзальтированно настроенный“.

На просьбу Христина объ аудіенціи Рейтергольмъ отвѣтилъ согласіемъ, но высокомерно прибавилъ: что его ничуть не интересуетъ узнать, что Христинъ говорилъ герцогу. Аудіенція состоялась 27 февраля, при чемъ министръ такъ сурово обошелся съ Христиномъ, обнаружилъ укоренившуюся ненависть къ Россіи въ такихъ выраженіяхъ, что генераль Будбергъ, донося объ этомъ, не рѣшился ихъ повторить.

Въ частности Рейтергольмъ забылся до послѣднихъ предѣловъ, позволилъ себѣ личные грубые выпады противъ императрицы, увѣрялъ, что православной религіи никогда не утвердятся въ Швеціи и т. д.

Въ концѣ разговора Христинъ выразился слѣдующимъ рѣзкимъ образомъ: „Герцогъ меня хотя предупредилъ, что вы можете наболтать глупости, но я думалъ, что онѣ будутъ касаться меня. Если бъ я только могъ себѣ представить, что Вы осмѣлитесь наговорить мнѣ нѣчто подобное про императрицу, я, разумѣется, не сталъ бы подвергаться выслушиванію этого. Я слишкомъ ясно вижу, что всякая надежда на переговоры потеряна, разъ Вы руководитель правительственнаго совѣта. Желаю Вамъ не имѣть повода раскаиваться въ эксцессахъ, которымъ Вы осмѣлились предаваться“. Уходя, Христинъ, объявилъ, что „такого скандала быть можетъ еще не было съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ короли и министры“, на что Рейтергольмъ возразилъ, „что въ прежнія времена этого нельзя было сказать“.

Послѣ этого Христинъ написалъ герцогу письмо, прося о новой аудіенціи, только, чтобы имѣть случай сказать, что „Швеція удаляется отъ честнаго и счастливаго пути.“

„Иностранецъ, не побуждаемый никакими эгоистичными цѣлями, болѣе безпристрастенъ, чѣмъ заинтересованныя лица, но навѣрно государи рѣдко встрѣтятъ людей, которые безкорыстно захотятъ подвергнуться неприяностямъ, навлекаемымъ на нихъ непрошенными лицами“.

Христинъ подвергалъ себя большой опасности, никто не признавалъ въ немъ официальнаго посредника, такъ что швейцарецъ даже не могъ бы требовать защиты ни у одного посланника.

Съ этой запиской въ рукѣ Христинъ самъ пошелъ къ герцогу, который принялъ его въ ночномъ халатѣ, такъ какъ онъ только-что вскочилъ съ кровати. Сперва герцогъ вспылилъ, но когда Христинъ сказалъ, что онъ будетъ хранить молчаніе о выходкѣ Рейтергольма, такъ какъ „отчетъ о ней могъ бы дать больше, чѣмъ одинъ поводъ для войны“, и повторилъ нѣкоторыя изъ выраженій Рейтергольма, то герцогъ отвѣтилъ, что онъ осуждаетъ и „désavouait“ Рейтергольма съ начала до конца. „Не думайте, что Рейтергольмъ пользуется такимъ вліяніемъ, какъ говорятъ, онъ мнѣ полезенъ и нуженъ, но онъ не руководитъ мною. Онъ можетъ имѣть свой образъ мыслей, я же думаю совершенно иначе“.

Въ частности герцогъ заявилъ, что склоненъ къ сближенію съ императрицей и не позволитъ воспрепятствовать въ этомъ Рейтергольму, который уже противъ своей воли долженъ былъ согласиться на отозваніе Стаала изъ Франціи. Съ королемъ герцогъ еще ни о чемъ не говорилъ, почему и не принялъ въ тотъ

же день генерала Будберга. Онъ рѣшилъ отсрочить совершеннолѣтіе короля на 4 мѣсяца, согласно завѣщанію покойнаго короля. Къ этому времени Густавъ Адольфъ будетъ въ состояніи самъ управлять королевствомъ, а съ герцога спадетъ большое бремя.

Во время слѣдующей аудіенціи, 2 марта, Христинъ сказалъ герцогу, что хотя онъ осыпанъ его милостями, но все-таки онъ не могъ добиться его довѣрія, что касается правды въ общественныхъ слухахъ. Въ частности генераль Будбергъ потерялъ уже 2 недѣли и не могъ добиться аудіенціи, и общество не можетъ уже вѣрить искренности сближенія съ Россіей до тѣхъ поръ, пока избѣгаютъ переговоровъ съ лицомъ, въ тысячу разъ болѣе подходящимъ для ускоренія рѣшенія. Противъ „добрыхъ намѣреній герцога“ борется Рейтергольмъ, а такъ какъ ему, Христину, неудобно спорить съ министромъ, который пользуется довѣріемъ герцога, то онъ видитъ себя вынужденнымъ отступить.

Герцогъ возразилъ, что Рейтергольмъ, у котораго „железный, неподатливый характеръ“, былъ чрезвычайно раздраженъ нарушеніемъ помолвки само по себѣ, а еще больше—возможностью обвиненія его въ страхѣ передъ Россіей, и герцогъ увѣренъ, что рѣзкость Рейтергольма была вызвана опасеніемъ, какъ бы Христинъ этого не подумалъ.

Что касается генерала Будберга, то онъ можетъ получить аудіенцію въ слѣдующее воскресенье, когда король будетъ здоровъ, и прибавилъ тихимъ голосомъ: „я хочу сближенія съ императрицей, но скажу вамъ между нами, что во всякомъ случаѣ страшно трудно выпутаться изъ тисковъ, которыми вы насъ окружили. Мы устроили бракъ, мы его разстраиваемъ, ахъ, это ужасно“.

— Да, вотъ еще новость: Суворова, послѣ того, какъ онъ осмотрѣлъ финскія крѣпости, послали въ Персію, за тысячи верстъ отъ насъ.

Затѣмъ событія показали, что герцогъ опять уступилъ Рейтергольму, генералу Будбергу отказали въ аудіенціи въ воскресенье, подъ предлогомъ, что королю это неудобно, и Христинъ уже начиналъ беспокоиться за свое участіе въ этихъ переговорахъ, такъ какъ герцогъ явно его „désavouait“. Онъ могъ только завѣрить честнымъ словомъ Будберга, что все, что онъ ему передавалъ, была правда.

Еще одну услугу оказалъ Христинъ генералу; онъ просилъ Сюрмэна позондировать короля на урокѣ. Сюрмэнъ разсказалъ своему ученику о разговорахъ Христина съ герцогомъ и Рейтер-

гольмомъ. Король просилъ Сюрмана передать Христину благодарность, Рейтергольма же порицалъ, объ императрицѣ онъ отзывался съ уваженіемъ, но ничего не сказалъ насчетъ укрѣпленія добрыхъ отношеній съ Россіей. Тогда Сюрманъ написалъ записку, изложивъ выгоды отъ союза съ Россіей, король прочелъ ее, но не осмѣлился сохранить ее, иначе онъ будетъ вынужденъ показать ее герцогу, и тогда Сюрманъ будетъ погибшимъ человекомъ.

Христину удалось также вывѣдать черезъ друга короля о его намѣреніяхъ насчетъ женитьбы. Король не хотѣлъ жениться на Мекленбургской принцессѣ и откровенно сказалъ объ этомъ герцогу, но официально не рѣшился высказаться изъ чувства ложнаго стыда. Онъ ничего не имѣетъ противъ брака съ великой княжной, но Рейтергольмъ все еще льститъ себя надеждой женить его на Мекленбургской принцессѣ. Это была уже послѣдняя услуга Христина Будбергу. Видя, что отношеніе герцога къ нему измѣнилось, онъ началъ давать отбой и подѣлился планами съ Арбутнотомъ. Англійскій посланникъ намекнулъ, что довѣріе къ Арбутноту разсматривается, какъ услуга Англии, и уговаривалъ Христина сообщать ему обо всѣхъ переговорахъ за счетъ Россіи. Христинъ согласился только при условіи, если Арбутнотъ рекомендуетъ его англійскому посланнику въ Петербургъ—Уинтворту—куда Христинъ теперь ѣдетъ, и общается, что Воронцовъ, русскій посланникъ въ Лондонѣ, ничего объ этомъ не будетъ знать.

Христинъ уѣхалъ 25-го марта, послѣ того, какъ онъ 20-го получилъ приказаніе шведскаго правительства покинуть страну. Конечно, Рейтергольмъ догадался, что за кулисами что-то происходитъ, и сразу положилъ конецъ откровеннымъ разговорамъ герцога съ Христиномъ. Герцогъ даже не осмѣлился дать прощальной аудіенціи Христину. Положеніе было такое, что генералъ Будбергъ просилъ обо всемъ сообщать ему только черезъ Арбутнота, такъ какъ не хотѣлъ, чтобы его сношенія съ Христиномъ стали извѣстны. Фактически же онъ желалъ скорѣйшаго отъѣзда Христина изъ Швеціи, ибо публика уже узнала о выступленіи герцога и Рейтергольма. О Христинѣ въ шведской исторіи больше ничего не было слышно, но думаютъ, что онъ остался въ Россіи и пользовался тамъ покровительствомъ старой княгини Варвары Туркестановой.

Естественно, что шведское правительство старалось свести на нуль переговоры герцога съ Христиномъ, упорно отрицало, что герцогъ даже одну минуту слушалъ его. Но французскій послан-

никъ въ Стокгольмѣ Le Nos рассказывалъ со словъ государственнаго канцлера Спарре, что герцогъ нѣсколько дней былъ исполненъ рѣшимости исполнить требованія императрицы; но въ конечномъ счетѣ вліяніе любимца Рейтергольма оказалось сильнѣе.

Въ виду этихъ обстоятельствъ генераль Будбергъ увидѣлъ безнадежность попытокъ сближенія со шведскимъ правительствомъ. Не одинъ шведъ не осмѣливался приблизиться къ его дому, а иностранные дипломаты, за исключеніемъ Арбутнота, входили къ нему „съ дрожью“ и очень рѣдко.

Самъ генераль рѣшилъ не появляться при дворѣ, даже если его пригласятъ, и когда официальный пріемъ былъ ему, наконецъ, назначенъ, приблизительно 15 марта, онъ сказался больнымъ. Офицеръ, который явился къ нему 4 апрѣля съ приглашеніемъ отъ герцога, не былъ принятъ.

Теперь въ планы Будберга входило побудить императрицу серьезно угрожать войной и выставить предлогомъ выходку Рейтергольма. Но Арбутнотъ, который лично старался о сохраненіи мира между Швеціей и Россіей, находилъ печальнымъ, „чтобы равновѣсію Сѣвера могла угрожать необъяснимая глупость и наглость одного лица“, и онъ 7 апрѣля имѣлъ разговоръ съ государственнымъ канцлеромъ Спарре и предупредилъ его, что уже союзъ съ Франціей поставилъ Швецію въ опасное положеніе, которое выходка Рейтергольма еще усилила, и онъ, бывая часто въ обществѣ обоихъ Будберговъ, знаетъ, что Екатерина въ высшей степени раздражена, и „Финляндія, однажды завоеванная, уже не будетъ возвращена“.

Въ случаѣ возникновенія войны, симпатія Англіи не будутъ на сторонѣ Швеціи, и даже если бы это случилось, Англія не въ состояніи была бы помочь ей. Если Рейтергольмъ дѣйствительно любитъ свою страну, онъ долженъ ее покинуть, и промедленіе въ данномъ случаѣ можетъ оказаться гибельнымъ. Спарре заявилъ, что не подозрѣвалъ, что опасность такъ велика, и призналъ, что Рейтергольмъ, котораго онъ очень уважаетъ, долженъ покинуть страну.

Будбергъ очень благодарилъ Арбутнота, когда тотъ передалъ ему о разговорѣ, и англійскій дипломатъ, по его словамъ, поступилъ такъ, зная, что въ глубинѣ души императрица не желаетъ войны съ Швеціей. Арбутнотъ очень старался получить согласіе своего правительства на посредничество, и скоро оно его уведомило, чтобы онъ никоимъ образомъ на даль поводъ къ недоразумѣнію, будто существуетъ натянутость въ отношеніяхъ Англіи и Россіи. Ему же писали изъ Англіи, что шведское пра-

вительство старается создать тренія между обѣими державами, намекая, что отношенія между Швеціей и Англіей могли бы быть дружественнѣе, чѣмъ въ такое время, когда „Швеція требуетъ субсидіи отъ враговъ Англій и старается натравливать Турцію на Россію и Австрію“.

Арбутнотъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ приказаній, продолжалъ дѣло посредничества. Черезъ него шведское правительство освѣдомлялось о желаніяхъ Будберга, и послѣдній отвѣтилъ, что не имѣетъ разрѣшенія начать переговоры, пока Рейтергольмъ останется въ странѣ, и совѣтовалъ отиправить письмо императрицѣ. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Будберга съ довѣреннымъ герцога, барономъ Гамильтономъ, генераль потребовалъ прекращенія всякихъ сношеній съ Франціей и оффиціального объявленія о разстройствѣ помолвки. Гамильтонъ отвѣтилъ, что его правительство, въ доказательство искренности своихъ намѣреній, рѣшило прекратить всякія вооруженія и желало бы знать, какого рода аудіенцію генераль желаетъ получить, но Будбергъ сухо отвѣтилъ, что неумно прекращать вооруженіе и излишне теперь принимать его, когда онъ больше всего желаетъ быть отозваннымъ назадъ, что дѣйствительно и случилось.

По отъѣздѣ генерала Будберга переговоры продолжались между посланникомъ Будбергомъ и довѣренными лицами герцога, много стараній прилагала также графиня де Ст.-Пріестъ, но въ концѣ концовъ шведскому посланнику въ Петербургѣ Штедингу удалось лестью подѣйствовать на Рейтергольма и склонить его къ уступчивости, въ результатъ чего герцогъ и король написали слѣдующее частное письмо императрицѣ. Вотъ текстъ письма герцога.

Стокгольмъ, 16 апрѣля 1796 г.

„Въ настоящее время, когда, повидимому, дружеское объясненіе еще можетъ загладить печальныя послѣдствія недоразумѣній, которыя слишкомъ долго длились между обоими дворами, я считаю счастьемъ, что могу безъ обиняковъ раскрыть мое сердце по этому поводу передъ вашимъ императорскимъ величествомъ, убѣжденный, что вы не ошибетесь какъ относительно побужденія, которое двигало мною, когда я предпочелъ этотъ путь всякому другому, и не сомнѣваетесь въ чувствѣ глубокаго уваженія, которое я всегда питалъ къ вашей высокой особѣ.

Узы крови и родства, въ связи съ согласіемъ, которое еще держится между двумя націями, должны, какъ мнѣ кажется, помочь отбросить обоюдную мысль о всякихъ вражескихъ планахъ. Между тѣмъ настоящее положеніе быть можетъ давно

привело бы къ нарушенію мира, отъ чего выиграли бы только тайные враги обоихъ государствъ. Я тѣмъ болѣе убѣжденъ въ этомъ въ настоящую минуту, что имѣлъ случай видѣть ихъ тайныя козни, клонившіяся къ возбужденію недовѣрія между нами и незамѣтному подрыву довѣрія, которое лежало въ основѣ нашей дружбы. Таково, Мадамъ, мое мнѣніе о настоящемъ положеніи.

Меня очень угнетаетъ, что я раньше не нарушилъ молчанія. Въ случаѣ—въ чемъ я не сомнѣваюсь, ваше императорское величество одушевлены одинаковымъ желаніемъ согласія и мира, я нахожу, что съ обѣихъ сторонъ ничего другого не надо, какъ только „забыть прошлое“, и не входя въ дальнѣйшее представленіе по этому поводу, съ позволенія вашего императорскаго величества, съ сегодняшняго дня мы будемъ разсматривать насъ какъ двухъ добрыхъ друзей и родственниковъ, которые послѣ довольно продолжительной разлуки неожиданно находятъ другъ друга.

Я ожидаю только, Мадамъ, вашего отвѣта на мое предложеніе, чтобы затѣмъ я могъ съ радостью возобновить мои старыя отношенія съ вашимъ императорскимъ величествомъ, и я ничего не упущу, чтобы показать вамъ искренность моихъ намѣреній въ этомъ отношеніи.

Согласіе, которое еще держится между двумя государствами и которое поддерживается вашимъ императорскимъ величествомъ можетъ быстро, если вы это пожелаете, открыть путь къ болѣе тѣснымъ отношеніямъ, которымъ не помѣшаетъ соглашеніе, заключенное Швеціей въ силу необходимости или временныхъ обстоятельствъ; это значитъ, что теперешнее довѣріе Швеція къ Франціи ограничилось бы тѣмъ, что необходимо для сохраненія нейтралитета или мира“.

Что императрицу не очень обрадовало это письмо, явствуетъ изъ холоднаго тона ея отвѣтнаго письма герцогу и королю.

Русскому министру Маркову поручено было объяснить шведскому посланнику Штедингу, что императрица желаетъ публичнаго признанія помолвки короля съ Мекленбургской принцессой недѣйствительной, а затѣмъ скорую помолвку съ ея внучкой, при чемъ Марковъ подчеркнулъ, что „медлительность противна природѣ императрицы“. Она и слышать не хочетъ разговора о соглашеніи, которое не покоится на прочномъ основаніи „семейнаго союза“, и дьявольскія козни, которыя втихомолку куютъ противъ насъ, наполняютъ ея сердце тысячью подозрѣній“.

Въ дальнѣйшемъ императрица не возбуждала больше вопроса о бракѣ и удовольствовалась приглашеніемъ герцога и короля

лѣтомъ въ Петербургъ, каковое посѣщеніе должно было закончить вопросъ объ отношеніяхъ государствъ. И герцогъ въ новомъ письмѣ увѣрялъ императрицу, что помолвка съ Мекленбургской принцессой окончательно разстроится, когда король достигнетъ совершеннолѣтія.

Будбергу же въ Стокгольмѣ сказали, что объявленіе о разстройствѣ помолвки откладывается только изъ опасенія передъ гнѣвомъ французскаго правительства. Генерала Будберга, который въ началѣ мая уѣхалъ домой, скоро отправили обратно въ Стокгольмъ, но на этотъ разъ въ качествѣ посланника. Чтобы умиротворить Россію, отстранили отъ дѣлъ Спарре въ началѣ іюня, подъ предлогомъ, чтобы онъ не „болталъ глупостей“ на министерскомъ совѣщаніи. Но Арбутнотъ передаетъ, что Спарре сказалъ французскому повѣренному въ дѣлахъ, что если только Франція согласится дать Швеціи опредѣленную сумму, то она будетъ въ состояніи выйти изъ опаснаго положенія.

Рейтергольмъ хотя заступился за Спарре, говоря, развѣ такъ важно, если „старикъ болталъ“, но это не помогло, онъ началъ уже беспокоиться за свою судьбу. Въ письмѣ къ другу короля, Флемингу, который могъ быть ему полезенъ, когда король вступитъ на престолъ, онъ пишетъ въ концѣ мая.

„По устнымъ донесеніямъ курьеровъ, а по собственнымъ депешамъ, кажется, что наша ссора не будетъ стоить крови. Но что старуха не понимаетъ дружбы иначе, какъ въ формѣ брака, это совершенно ясно. Но время и обстоятельства сдѣлаютъ ее хладнокровнѣе и терпѣливѣе, если стремленіе видѣть свою внучку счастливой приводитъ ее къ подозрительности и сварливости въ первую минуту, то, по моему мнѣнію, надо снисходительно отнестись къ ней въ виду ея старости и страстнаго желанія этого почетнаго союза“.

Даже Штедингъ находилъ, что императрица проявляетъ большой личный интересъ къ предстоящему шведскому визиту въ Петербургъ. Онъ пишетъ Рейтергольму, своему другу:

„Какъ видишь, во всемъ этомъ проглядываетъ женщина, и не въ малой долѣ тщеславіе. Вѣрно то, что императрица, хотя уже такая старая, не безъ основанія рассчитываетъ понравиться своимъ личнымъ обаяніемъ, и я не знаю никого, кто умѣлъ бы, какъ она, создавать радость и заставить себя полюбить, если ей этого дѣйствительно хочется“.

27 іюня генераль Будбергъ вернулся обратно въ Стокгольмъ, но отнесся очень сдержанно къ Арбутноту, и тотъ уже ничего не узнавалъ отъ генерала, происходитъ ли что-нибудь между

Швеціей и Россіей и желаетъ ли шведское правительство, чтобы русское положило конецъ недоразумѣніямъ между Англіей и Швеціей. Уже изъ другого источника онъ узналъ, что шведское правительство желаетъ установленія границы у Финляндіи, сохраненія въ силѣ Дротингольмскаго договора и уплаты субсидіи за это время, далѣе, чтобы императрица использовала Англію и Испанію для защиты шведской торговли отъ Франціи, и, наконецъ, что русское правительство заговорить о бракѣ не раньше, чѣмъ самъ король это сдѣлаетъ. Генераль разсердился и сказалъ, что императрица имѣетъ больше права ставить условія. Уже опять переговоры могли быть прерваны, но Штедингъ все уладить, и 2 августа Арбутнотъ донесъ англійскому правительству, что поѣздка въ Петербургъ рѣшена, и императрица согласна принять всѣ условія Швеціи.

Извѣстно, чѣмъ кончилась эта поѣздка. Арбутнотъ же чувствовалъ давно, что Рейтергольмъ интригуетъ противъ него, стараясь возбудить подозрѣніе русскаго правительства, что онъ старается создавать недоразумѣнія между Англіей и Россіей, и обвинилъ его въ грубыхъ и неприличныхъ выраженіяхъ объ императрицѣ. Разумѣется, Арбутнотъ зналъ, что эта выдумка не можетъ имѣть никакого успѣха у Будберговъ, но онъ чувствовалъ себя обиженнымъ и просилъ отозвать его изъ Стокгольма. „Я предпочелъ пахать землю въ Англіи, чѣмъ оставаться въ странѣ съ правительствомъ, которое обращается съ иностранными дипломатами, какъ съ тайными агентами непризнанныхъ правительствъ“. Онъ покинулъ Швецію 27 января 1797 года.

Л. Гаусманъ.